

Продолжение от 7 октября 1994 г.

Он был одним из многих

Прошедшая война была, есть и будет Великой и Отечественной. Но ветер Победы до сих пор кружит нам головы. И кажется, что все нам нипочем. До сих пор не осмыслим свои Потери, по-прежнему ведем счет на миллионы. А ведь они складываются из отдельных судеб. Из таких, например...

Стрекаловский Григорий Георгиевич, Елань:

«Я сменил учительскую указку на миномет в августе 1941 года. Полгода в военном училище города Ишима, и вот мы, младшие сержанты, зачислены в 229-ю дивизию 804-го стрелкового полка. Едем на фронт. Привезли к Волге, перегрузили на пароходы под Саратовом и до Сталинграда. До Волги уже изредка долетали фашистские самолеты. Выгрузились на безвестной пристани и маршем с карабинами, винтовками, 82- миллиметровым минометом на передовую. Сначала шли свободно, не опасаясь. Но все чаще в небе фашистские самолеты; и вот мы идем уже ночью. Так прошло недели полторы. Первая встреча с врагом была неожиданной. На рассвете остановились в балке, заросшей кустарником. Командование решило: здесь дневать. Нас человек сто. Видим, «рама» летит - самолет-разведчик. И начал он нас «поливать»: На моих глазах тяжело ранило в ногу Костылева Николая, многих других. Были и убитые. Нам объявили, что мы на передовой и надо занимать оборону. Одну повозку с минами разбило, остались две с продуктами и боеприпасами.

К Сталинграду немцы рвались напролом. Но за первый месяц своего пребывания на фронте я не видел ни одного нашего танка или самолета. Мы все молодые, необстрелянные. Лишь командир роты, старший лейтенант Рядовский, был в годах. Помню командира взвода Шаняевского. Но хорошо узнать друг друга мы не успели. В такой переплет попали! Без конца копали окопы, часто меняя огневую позицию. Я минометчик. Был заряжающим. Потаскал ми помет: опорная плита, железный ствол, двуногий лафет. Но на передовой мне пришлось побыть мало. Зато что такое фронтовое братство, там узнаешь быстро. Командиром отделения был казах, сильный, добрый человек. Он прекрасно говорил по-русски. А вот нашему товарищу, узбеку Ахмету, было труднее. Он почти ничего не понимал по-русски, очень тосковал по дому. В редкую свободную минуту все пел. Возьмет палку, воображает, что это зурна, и поет грустную, непонятную нам, щемящую песню. А наутро снова бой. Уничтожали пехоту, мотоциклистов, пулеметные и минометные точки, доты, колонны.

8 августа 1942 года шел бой за деревню Большая Осиповка Калачевского района. Она была занята фашистами, и мы получили приказ: выбить их из деревни. Подошли на рассвете, немцы спали. Завязался короткий, но тяжелый бой. Немцы выскакивали полураздетые. У них автоматы, у нас нет, лишь винтовки и карабины. Вокруг свистели пули, но

боли я не почувствовал. Просто вдруг стала тяжелой и начала деревенеть рука. Клеть вдребезги. Ранены были рядом и мои товарищи, два Николая: Скосырский и Дементьев. Наш узбек перевязал меня наскоро, и санитары отвели к фургонам для раненых.

Полевой госпиталь - бывшая колхозная ферма. Здесь когда-то жили пастухи. Ночь девятого августа провели на лугу. Бой вокруг затихал лишь на несколько ночных часов. Боеприпасы кончались, подкрепления не было, кольцо сжималось. Пошли на прорыв, но вырваться не удалось. Раненых, искалеченных решили отвести в соседний овраг. Едва мы добрались и свалились обессиленные, как над оврагом, на фоне вечернего неба, увидели фигуры фашистов, по-хозяйски расставивших нош. Рукава закатаны до локтей: «Хенде хох!» Все. Плен. Вывели на косогор. А здесь наших около двух тысяч. Каждого обыскали. У меня шинель на одном плече, рука на перевязи. Построили, повели в степь, оцепили и объявили: «Ночлег».

Этой ночью никто не сомкнул глаз. Никто ничего не спрашивал и не говорил. Сидим понурые, ждем решения судьбы. Даже тяжелораненые не стонут. Родное августовское небо над нами и теплая земля под нами. Утром сортировка: раненые - направо, здоровые - налево. Здоровых в колонны по четыре (все это с пинками, командами, ударами прикладом) и маршем вперед. Остальных в такую же колонну и, помогая друг другу, поковыляли мы по пыльной степной дороге к железнодорожной станции Суровикино. Впереди был печально известный Славутский «гросслазарет» (большой госпиталь) близ Житомира.

На станции загнали нас в сарай. Стон, крики. Кормили, как везде: одна кружка сухой горелой ржи (неподалеку сгорели колхозные скирды). Вода из колодца, колодец далеко, и потому воды не досыта. Счет дням и ночам потеряли.

Погнали на станцию. Загрузили в товарняки, дали по куску хлеба. Закатали бочку, дверь закрылась и уже не открывалась до прибытия в город Славуту. За дорогу умерли многие раненые, контуженные метались. Так лежали рядом живые и мертвые. Душно. Запах невозможный. Черви заедают. Раны промывали мочой. Наконец прибыли. Вдоль строя идут офицеры, пальцем тычут в лицо: «Юде? Коммунист? Партизан?» Отобрали человек 20 и в 200 метрах от лагеря расстреляли.

Раненых отделили в госпиталь, если так можно назвать страшную свалку трупов и полутрупов. Гитлеровцы именовали его «ревиром» или «гросслазаретом». Около десяти трехэтажных казарм. Действительно, «большой лазарет». Лежали на голых нарах. В баню не водили. Заедали клопы. Перевязочного материала почти не было. Сами тряпку прополощем, друг друга перебинтуем. Давали немного хлеба и обычную баланду из брюквы. Картошки в глаза не видели. Лежачие начали пухнуть с голода. Страшно смотреть. Все тело светится, становится прозрачным. Кажется, под кожей вода. А потом неизбежная дизентерия и смерть.

Охраняли нас полицейские в немецкой форме, на рукавах белая повязка со свастикой. Меня спасло то, что я был ходячий. Котелок постоянно за

поясом, ложка за голенищем. Правда, в воротах два полица, и поход на кухню небезопасен, но все же нам, ходячим, было легче. Где повар из котла плеснет, где из бочки прольется, подберешь. Жизнь свою не хотелось отдавать даром. Хотелось выжить назло судьбе. Ведь мы были молоды. На работу нас отсюда, конечно, не брали. Работа ждала впереди, в Германии. Немцы отступали, и нас, ходячих, впереди себя везли в вагонах с зарешеченными окнами. Проехали Берлин. И вот он, Дортмунд, лагерь смерти.

Однажды за ночь умерло более 100 человек. Позже стало известно, что проводилось испытание какого-то яда, его влияние на человеческий организм. Умирали одинаково-мучительной смертью. Тогда я потерял своего друга из Новосибирска, Пешкова Ивана. Мы с ним из одного котелка ели. В прямом смысле у него не было котелка. Меня где-то не оказалось в этот час. И он от этой отравленной пищи умер. Могилы-рвы копали за лагерем. Расстрелянных, умерших сваливали во рвы, заливали хлорной известью. Ямы не закапывали, пока они не наполнятся доверху. Рядом копали такой же ров.

В Дортмунде военнопленных разных национальностей держали в отдельных блоках. Здесь были, кроме нас, французы и итальянцы. Нас очень поддержали французы, получавшие через Красный Крест посылки из дома. Свой немецкий паек они отдавали нам. Перекидывали через проволоку в котелках, плотно закрытых крышкой. Меня долго поддерживал в питании один пожилой француз. Люди сохраняли человечность даже в бесчеловечных условиях.

Находили связи с антифашистами, партизанами, организовывали сопротивление. В Славуте те немногие здоровые пленные, которых выводили на работу за территорию, связались с партизанами. Работавшие в хлебозерке товарищи помогли запастись хлебом. Сделали подкоп из казарм за проволоку. Никто не знал, когда и как они сделали. Куда дели землю? Полы цементированные. И вот слышим: сегодня ночью можно уйти к партизанам. В осеннюю промозглость девять человек выбрались за территорию лагеря. Но десятый обнаружил себя. Выполз из подкопа и по мирной привычке отряхнулся. Брякнул котелок, засветились прожектора, поднялся шум. Те, кто находился в этой норке, попятиться назад. Утром немцы обнаружили подкоп и увели тех, кто показался им подозрительным.

Освобождение пришло в апреле сорок пятого. Освободили нас американцы и передали нашим. Когда скорбная молчаливая колонна по два человека шла через Эльбу, каждый из нас слышал, как стучит его сердце. Капитан Комаров, приехавший к нам в лагерь по репатриации, и американский генерал обещали организовать транспорт и выезд на Родину к концу апреля. 5 мая, за три дня до подписания акта о капитуляции Германии, генерал Эйзенхауэр подписал инструкцию о передаче военнопленных и перемещенных лиц. Началось томительное ожидание. Ожидали прежде всего потому, что не хватало транспорта для перевозки огромных масс людей.

Домой я вернулся только в сентябре 1945 года. В Ржеве Калининской области прошли особый отдел и медицинскую комиссию. Определили меня в

нестроевую. Здесь встретил земляка из Окино-Ключей Коноваленкова Михаила. С ним отправил записку домой: «Жив. Скоро буду дома». Но откровенно скажу: пока 15 сентября 1945 года я не шагнул в свою ограду, я не чувствовал себя живым.

А в Славуту три года назад я написал письмо. Меня интересовало: есть ли там памятник жертвам фашизма. Получил ответ: есть. На том месте, где был кошмарно знаменитый лагерь, стоит обелиск не только страданию и мукам, но и мужеству. Фотографию памятника и письмо я передал в музей Еланской школы, в которой мы с женой, Марией Васильевной, проработали всю свою жизнь».